

**КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
И АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ БЛАГОСОСТОЯНИЯ**

Дэли М., Кафедра социологии и социальной политики, Университет Квинс, Белфаст, Великобритания
Льюис Дж., Кафедра социальной политики и социальной работы, Оксфордский университет, Великобритания

Социальная поддержка сегодня в сфере исследования государств благосостояния является широко распространенным понятием, прочно закрепленным в научной литературе благодаря феминистскому анализу. Мы считаем, что это понятие в том виде, в котором оно использовалось и развивалось до настоящего момента, имеет ограничения, препятствующие его развитию в качестве общей категории анализа государств благосостояния. В сущности, мы настаиваем на том, что политэкономические аспекты этого понятия проработаны слабо. Основная цель данной статьи — разработать концепцию, ориентированную на понятие «социальная поддержка», допускающую и развивающую социальную поддержку как деятельность и комплекс взаимосвязей, находящихся на пересечении интересов государства, рынка и семьи (и добровольческого сектора). Мы особенно заинтересованы в изучении того, каким образом концепция социальной поддержки может влиять на различия в типах государств благосостояния, а также его изменение и развитие. В данной статье мы последовательно раскрываем эти вопросы, начиная с краткого исторического обзора понятия «социальная поддержка» и заканчивая обсуждением аналитического потенциала концепции социальной поддержки. Мы утверждаем, что эта концепция предполагает более широкий аналитический охват, позволяющий преодолеть существующее в научном мире отделение финансового компонента от сферы услуг в государстве благосостояния, и в некотором смысле пренебрежительный подход к компоненту услуг. Концепция социальной поддержки предполагает, что при разработке соответствующей политики основное внимание будет уделяться не отдельным компонентам социальной поддержки, а появится возможность, вместо сосредоточения усилий на денежных пособиях и услугах в отдельности, рассматривать комплекс взаимозависимых элементов. В этой связи данная концепция предлагает инструменты, которые могут способствовать развитию новых подходов в сфере исследования государства благосостояния.

Социальная поддержка — понятие, все чаще используемое в качестве аналитической категории по отношению к государству благосостояния. Но применение этого понятия очень выборочно. Это утверждение справедливо по следующим причинам: понятие в основном использовалось в феминистской литературе, и его эмпирическое приложение рассматривалось на примере Британии и Скандинавии. В литературе о социальной поддержке есть два основных направления, и оба они посвящены реляционным аспектам социальной поддержки [например, Finchand Groves, 1983; Waerness, 1984; Lewisand Meredith, 1988; Graham, 1991; Thomas, 1993] и сравнению различных норм

и услуг, связанных с социальной поддержкой [например, Kraanetal., 1991; Evers and Svetlik, 1993; Alber, 1995; Anttonen and Sipilä, 1996; Sipilä, 1997; Ungerson, 1997]. В более поздних работах обращается внимание на интереснейшие дихотомии, свойственные понятию социальной поддержки и заложенные в самой сути социального обеспечения. Так, Лейра [Leira, 1993] отмечает, что социальная поддержка может быть как оплачиваемой, так и неоплачиваемой, государственной и частной, предусматривающей денежные выплаты либо оказание услуг, а также она может осуществляться на основе контракта и без него. Кнейн и Кремер [Knijn, Kremer, 1997] также указали на первые два возможных разделения понятия социальной поддержки и поставили вопрос о том, является ли она формой зависимости или независимости. К тому же все чаще признается тот факт, что социальная поддержка относится к категории «смешанной экономики», включающей государство, рынок, институт семьи и добровольческий сектор [например, Evers and Svetlik, 1993].

Приоритет нашего исследования лежит в несколько иной области. Мы рассматриваем данную концепцию с целью прояснения и развития ее аналитического потенциала в отношении изучения государств благосостояния и их изменения. Следовательно, мы сосредоточиваемся на вопросе о роли социальной поддержки на стыке государственного и частного обеспечения (как государственного/семейного, так и государственного/рыночного); формального и неформального; оплачиваемого и неоплачиваемого обеспечения; а также обеспечения в форме выплат и услуг.

В силу того, что нашей целью является исследование потенциала данной концепции, в статье рассматриваются три следующих утверждения. Первое касается значимости социальной поддержки как категории анализа государства благосостояния. Здесь мы утверждаем, что невозможно изучить форму и содержание современных государств благосостояния без учета концепции социальной поддержки. Однако мы также считаем — и это является второй частью нашего аргумента, — что концепция социальной поддержки сама по себе нуждается в развитии, и ее аналитические характеристики должны быть разработаны с целью выявления аналитического потенциала. Эта тема будет раскрыта в разделе, где обсуждаются этапы формирования данной концепции, ее фокуса и исторических вех. Принимая во внимание то, что концепция социальной поддержки как таковая разрабатывалась не для целей анализа государства благосостояния — но скорее для определения специфических, если не уникальных характеристик «ухода, заботы» как деятельности и в связи с этим всеобъемлющего описания определяющей характеристики опыта жизни женщины, — мы считаем, что переосмысление концепции является своевременным. Наш третий аргумент связан с растущей значимостью социальной поддержки для политики современных государств благосостояния. Представлять перемены, происходящие в государствах благосостояния, в плане сокращения расходов и перехода в режим экономии, значит противодействовать реальному качественному изменению в этой сфере, что сейчас и происходит в сфере социальной поддержки и ответственности за это направление.

В основе изменений, происходящих в части прав на социальные выплаты, лежит более мягкое перераспределение обязанностей между институциональными сферами. Существенным моментом этой части нашего аргумента является то, что сегодня мы наблюдаем дальнейшие сдвиги в сторону смешанной

экономики благосостояния. Эти изменения определяются рядом факторов. Происходит общий переход от государства как поставщика (социальных выплат или услуг) к использованию для этих целей семьи и добровольческого сектора. Рынок — либо напрямую в качестве поставщика, либо косвенно в качестве носителя определенных принципов — также становится все более активным участником процесса предоставления социальной поддержки. Неотъемлемой частью нашего аргумента является то, что, хотя социальная поддержка исторически всегда играла важную роль в политике государства благосостояния, современное развитие привело к тому, что она стала основной составляющей политики государства благосостояния.

Данная статья построена на обсуждении этих трех комплексов вопросов. Она начинается с дискуссии о концепции социальной поддержки как таковой, включая прослеживание ее исторических и аналитических предпосылок. Ключевой целью первого раздела является разработка концепции социальной поддержки; наша первоочередная задача — расширение возможностей данной концепции для анализа типов, изменений и развития государств благосостояния. Во втором разделе статьи рассматривается то, каким образом концепция социальной поддержки помогает изучению современных государств благосостояния, особенно различий между ними. В третьем разделе статьи проводится анализ взаимосвязи между социальной поддержкой и текущим развитием и изменением государства благосостояния, особенно тех изменений, которые происходят в нескольких государствах благосостояния в настоящее время. Важно, что в основе этих изменений лежит пересмотр государственной политики в сфере социальной поддержки.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА КАК АНАЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ

Уход (поддержка) долгое время оставался концепцией, связанной исключительно с женщинами. Своим возникновением он обязан попыткам осмыслить определяющие характеристики условий жизни женщин. Сущность работы, связанной с заботой о ком-то, была отправной точкой исследований, главной же целью было определение деятельности, в основе которой лежит забота о ком-то, обозначение ее специфических или даже уникальных характеристик и анализ того, как эта деятельность и ответственность за нее усугубляли уязвимое положение женщин. Изначально деятельность, связанная с уходом, так или иначе воспринималась в контексте неоплачиваемых домашних или персональных услуг, предоставляемых в рамках таких социальных связей, как брак и родство. Определенная таким образом, концепция социальной поддержки привлекла внимание к финансовым и идеологическим процессам, составлявшим уход и в то же время утверждавшим женщин в качестве лиц, осуществляющих уход (по большей части неоплачиваемый). Первые исследования, посвященные концепции поддержки [Finch and Groves, 1983; Waerness 1984], уделяли основное внимание неоплачиваемому, неформальному уходу внутри семьи. Можно сказать, что эта работа сослужила добрую службу феминистской аналитической мысли, так как она спровоцировала появление ряда научных работ, демонстрирующих уникальность и специфику подобной деятельности по уходу. В этой связи было привлечено внимание к тому факту, что уход, забота — это нечто большее, чем просто неоплачиваемые личные

услуги, но по существу они определялись теми отношениями, в рамках которых существовали, — отношениями, которые чаще всего характеризовались личными узами обязательств, приверженности, доверия и преданности. Процесс ухода преимущественно исследовался в терминах «любящий, думающий и делающий» [Leira, 1992: 27]. Благодаря этому и другим научным трудам было разработано значение ухода как этической практики и определенного вида социальных отношений.

Теоретики концепции заботы [Gilligan, 1982; Tronto, 1993; Bubeck, 1995] подчеркивали ее важность как взаимоотношений, а также взаимосвязи и взаимозависимости, их характеризующих. Индивидуализм же, напротив, подкрепляет тезис о рациональном экономическом поведении. Рынки предполагают существование «независимых» конкурентоспособных личностей, обладающих правоспособностью к заключению договоров. Даже самые рьяные представители рыночного индивидуализма всегда предполагали, что будет существовать частная сфера семейной жизни, приходящая на выручку тем, кто не может быть конкурентоспособным на рынке. Феминистки продемонстрировали, что понятие разделения сфер деятельности, в первую очередь, было глубоко закреплено в гендерном разделении оплачиваемой и неоплачиваемой работы, а также в сопутствующем убеждении о моральном превосходстве женщин [Lewis, 1984, 1991]. Если гендерное разделение оплачиваемой работы, характерное для жизни женщин среднего класса в начале (XX.— *Примеч. ред.*) века, по большей части сошло на «нет», этого нельзя было сказать о гендерном разделении в отношении неоплачиваемой работы. И если забота и уход стали частью государственной сферы в виде оплачиваемой работы, выполняемой преимущественно женщинами, то этическую сторону ухода продолжали относить к частной сфере и рассматривать как некую «гавань в бессердечном мире» [Lasch, 1976].

Со временем концепция ухода, поддержки расширилась, отразив и изменения, произошедшие в организации этой сферы на практике, и комплексность данного понятия, заметную по растущему количеству научных трудов, сравнивающих различные подходы. В разных государствах в течение определенного времени уход понимался как оплачиваемая или неоплачиваемая работа, при этом происходило постоянное колебание в ту или иную сторону. Более того, понимание значения и значимости политических решений в сфере (организации. — *Ред.*) ухода, влияющих на положение женщин, не было однозначным. В рамках раннего феминистского анализа социальной политики в Скандинавских странах утверждалось, что поступление женщин на работу в центры дневного ухода, школы, больницы, дома престарелых — в рамках сферы услуг в государстве благосостояния — являлось формой «общественной патриархии» [например, Siim, 1987]. Женщины выполняли ту работу, которую они традиционно выполняли и дома, но теперь они стали это делать на государственной службе. Другие уверенно назвали это изменение неоспоримым достижением [например, Kolberg, 1991]. В то время как шли эти и другие подобные дискуссии, уход все больше оформлялся в качестве академической концепции. Грэхэм [Graham, 1991], например, искал способы включения в нее форм ухода на дому, осуществляемого вне родственных связей, чтобы описать концепцию в рамках классовых и расовых, а не только гендерных, взаимоотношений. Лейра [Leira, 1992] обратила внимание на то, как в рамках организации ухода происходит взаимодействие органов госу-

дарственной власти, в особенности государства благосостояния, а также представителей частных лиц. Тронто [Tronto, 1993] разработала определение концепции ухода с учетом и практики, и тенденций. Томас [Thomas, 1993] еще глубже проработал концепцию, выделив семь ее измерений. Измерения эти следующие: персоналии исполнителя и получателя ухода, отношения между ними, социальное содержание, экономический характер отношений и соответствующего труда, и общественная сфера и государственный институт, в рамках которого предоставляется уход. Развитие этой концепции заметно по растущей дифференциации используемых терминов. Тронто [Tronto, 1993], например, вводит различие между заботой о ком-то (caring about), уходом за кем-то (taking care of), оказанием ухода (care-giving) и получением ухода (care-receiving).

Несмотря на широкое использование термина, концепция ухода остается расплывчатой и спорной. Отчасти проблема связана с тем, что ее используют в таком разнообразии контекстов, что она рискует потерять свое основное значение. Мы стремимся к точности в использовании концепции и, главным образом, к развитию ее в качестве категории анализа в отношении государства благосостояния. Для нас это означает концептуализацию заботы и ухода таким образом, чтобы они охватывали социальную и политическую экономию, неотъемлемой частью которых они являются. Для использования концепции заботы, ухода в качестве общей категории анализа в отношении государства благосостояния, необходимо найти способ сохранения ее как инструмента отражения важных измерений жизни женщин (и человека вообще) и, в то же время, описания более общих составляющих социальных отношений в плане потребностей индивидуума и социального обеспечения (благосостояния). С этой целью мы вводим эвристическую категорию «социальной поддержки». Хотя сам термин не является новым, мы считаем, что разработка концепции в нашем направлении поможет создать полезный теоретический инструмент для более обширного анализа государства благосостояния. Это некая отправная точка.

Социальная поддержка является для нас многомерной концепцией. Из всех ее разнообразных измерений три представляют особый интерес. Первое — это поддержка как сфера труда. Она обращает наше внимание на суть работы и деятельности вообще. Выделение трудового аспекта не только подчеркивает смысл концепции социальной поддержки как действия, а людей, оказывающих поддержку, как акторов, но и косвенно ведет к сравнению с другими формами работы и труда. Выделение социальной поддержки в качестве определенной формы труда также позволяет обратить внимание на условия, в которых она осуществляется. Это, в свою очередь, приводит к тому, что анализ роли государства благосостояния становится абсолютно необходимым и, что важно, ведет к рассмотрению вопросов о том, является ли социальная поддержка оплачиваемой или неоплачиваемой, формальной или неформальной, а также к роли государства в определении этих и других границ. Второе измерение определяет социальную поддержку в рамках нормативных основ обязательств и ответственности. В данном случае рассматриваются нормативные измерения, и вместе с ними вводится понятие комплексности — недопустимо рассматривать только трудовые аспекты социальной поддержки, ибо такая поддержка чаще всего инициируется и обеспечивается как вид деятельности в условиях социальных и/или

внутрисемейных отношений и обязанностей. Данный нормативный или этический фокус выявляет социальные и социетальные грани поддержки и роль государства в ослаблении или усилении существующих норм социальной поддержки. Также концентрация внимания на вопросах этики подчеркивает важность анализа дискурса вокруг этих аспектов. В-третьих, мы рассматриваем социальную поддержку как деятельность, требующую затрат как финансовых, так и эмоциональных, выходящих за рамки государственных/частных границ. Серьезные аналитические вопросы, возникающие в этой связи, относятся к тому, каким образом распределяются необходимые расходы между индивидуумами, семьями и внутри общества в целом. Наш трехмерный подход приводит нас к определению социальной поддержки как набора действий и отношений, необходимых для удовлетворения физических и эмоциональных нужд взрослых и детей, требующих социальной поддержки, а также нормативных, экономических и социальных схем, внутри которых эти действия назначаются и реализуются.

При определении и концептуальном закреплении социальной поддержки мы принимаем во внимание некоторые недостатки в существующих приложениях данной концепции, в особенности ее фрагментарное использование. Для существующей на эту тему литературы характерны несколько дихотомий. Одна из них — это отделение социальной поддержки в государственных учреждениях от поддержки, реализуемой в рамках неформального, неофициального сектора (резко критикуемое Унгерсон [Ungerson 1990, 1994, 1997]). Второй тенденцией к фрагментации является разное отношение к социальной поддержке детей и зависимых взрослых (в особенности престарелых). Унгерсон (1990) отмечает, что большая часть британской литературы, посвященной социальной поддержке, описывает поддержку и уход за престарелыми, тогда как скандинавская литература отсылает к уходу как за детьми, так и за престарелыми. Совершенно разное отношение к неоплачиваемому и оплачиваемому уходу является третьей дихотомной тенденцией. Это и другие разногласия влияют на целостность концепции, а также и на уровень охвата этой концепцией значимой сферы деятельности государства благосостояния. Как видно из определения, данного выше, мы стремимся к преодолению концептуального и эмпирического разделения, определяя социальную поддержку в качестве метаконцепции, то есть деятельности, выходящей за рамки одной сферы. Таким образом, наш концептуальный подход к социальной поддержке включает понятие ухода как за детьми, так и за взрослыми, ибо мы считаем, что соединение этих двух сфер деятельности государства благосостояния будет крайне полезным. Так или иначе, сегодня они все теснее переплетены, в силу необходимости государства благосостояния и общества реагировать на растущую всеобщую потребность в социальной поддержке.

Аналитический потенциал концепции социальной поддержки для государства благосостояния значителен. Большинство работ, посвященных социальной поддержке, отражая общую тенденцию в феминистской научной сфере, уделяют большее внимание деталям социальных программ, природе социальной поддержки как всецело женскому виду деятельности и типу социальных отношений, а также и тому, как они обусловили существующий женский опыт (не) зависимости и благосостояния. В научных работах, тяготеющих к сглаживанию проблем повседневного существования, вопросы социальной поддержки в разрезе политэкономии государства благосостояния

исследованы недостаточно, за исключением обзорной работы Гардинера (1997). В результате масштабная и динамичная сущность данной концепции приуменьшается, если вообще рассматривается. В *таблице 1* представлена наша концепция, которую мы разработали с учетом всего вышесказанного. Данная схема представлена прежде всего в качестве аналитического инструмента и, конечно же, требует эмпирической апробации при дальнейшем исследовании вопроса.

Ключевой момент в данном случае — это то, к какому виду анализа государства благосостояния обращается концепция социальной поддержки. Концепцию можно использовать для анализа как на макро-, так и на микроуровне. На макроуровне самое непосредственное ее применение лежит в области инфраструктуры социальной поддержки. В данном случае можно изучать роль финансовых вложений и услуг. В отличие от других исследователей [Alber, 1995; Sipilä, 1997], мы видим основу социальной поддержки не в социальных услугах, а во взаимосвязи (существовании и сути) подобных услуг и денежных выплат в различных государствах благосостояния. Второе направление анализа социальной поддержки на макроуровне включает политэкономия социального обеспечения как с привлечением ресурсов различных секторов, так и внутри каждого сектора. Разделение труда, ответственности и затрат на социальную поддержку между семьей, рынком, государством и добровольческим/государственным секторами является важной отправной точкой анализа. Тот вид анализа, к которому обращается концепция социальной поддержки в данном случае, близок к концепции смешанной модели благосостояния [Evers and Svetlik, 1993]. Однако мы идем дальше, делая упор на вклад каждого сектора в общий объем работ, связанных с социальной поддержкой, на институциональные особенности организации такой поддержки внутри и на стыке секторов, и связанные с этим политические меры. Концепция социальной поддержки также имеет преимущество на микроуровне, и ее замечательной чертой на этом уровне является то, что она помогает понять содержание и контекст ключевых составляющих как женской работы, так и опыта индивидуумов в создании благосостояния в обществе. Следовательно, она дает некоторую надежду на то, что гендерная культура социальных отношений будет принята во внимание при решении задач, связанных с социальным обеспечением в государствах благосостояния и в целом с условиями общественного благосостояния.

На повседневном уровне самыми явными индикаторами, важными для анализа, являются следующие: распределение социальной поддержки (предоставление и получение) между женщинами и мужчинами и среди семей; условия, согласно которым предоставляется социальная поддержка, и роль государства в воздействии на эти условия. Соединяя частную и государственную сферы таким образом, концепция послужит полезной категорией анализа, позволяющей определить сущность и границы социального обеспечения в государстве благосостояния и то, каким образом они меняются во времени и в отдельно взятых государствах.

Сохраняя аналитические свойства концепции, социальная поддержка также обладает неотъемлемой динамикой, которая позволяет изучать происходящие изменения. Эта динамика заключается в идее смещения границ предоставления социальной поддержки. Понятие границ применимо как на макро-, так и на микроуровне. На макроуровне изменения могут определяться

Таблица 1. Разработка концепции социальной поддержки

	Макроуровень	Микроуровень
Понятийные основания	Распределение социальной поддержки и ухода (труда, ответственности и затрат) за детьми и престарелыми или болеющими взрослыми между государством, рынком, семьей и местным сообществом.	Распределение социальной поддержки (труда, затрат и ответственности) между отдельными людьми внутри семьи и сообщества и характер государственной помощи предоставляющим и получающим поддержку (уход).
Эмпирические индикаторы	<ul style="list-style-type: none"> • Инфраструктура социальной поддержки (услуги и денежные выплаты). • Распределение обеспечения между секторами. 	<ul style="list-style-type: none"> • Кто осуществляет социальную поддержку. • Кто является получателем каких-либо доступных льгот и услуг. • Какого рода отношения существуют между осуществляющим и получающим поддержку и уход. • На каких экономических, социальных и нормативных условиях осуществляется поддержка. • Модели экономической активности женщин, находящихся в возрасте наиболее активного предоставления ухода.
Траектории изменений	Больше/меньше: государства; рынка; семьи; сообщества.	<ul style="list-style-type: none"> • Изменения в распределении услуг по социальной поддержке. • Изменения персоналий, осуществляющих социальную поддержку. • Изменения в условиях, на которых предоставляется социальная поддержка, и особенности роли государства в этом процессе. • Изменения во взаимоотношениях между предоставляющим и получающим социальную поддержку и уход.

посредством смещения в распределении социальной поддержки между секторами. На микроуровне траектория изменений охватывает распределение социальной поддержки между индивидуумами и семьями, а также различия в условиях, на которых предоставляется социальная поддержка. Таким образом, данная концепция обладает потенциалом, позволяющим предугадывать траектории изменений, что мы и стремимся продемонстрировать в последней строке *таблицы 1*. То, насколько эти траектории отражают процессы, в действительности происходящие в государствах благосостояния, также является вопросом для эмпирического анализа. Основной упор мы хотели бы сделать на том, что концепция социальной поддержки предоставляет богатый набор гипотез о возможных направлениях развития и трансформации государства благосостояния.

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА И РАЗЛИЧНЫЕ ТИПЫ ГОСУДАРСТВ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

Типология государств благосостояния изложена в авторитетных научных трудах. В них чаще всего изучаются уровни затрат в виде социальных выплат [например, Esping-Andersen, 1990] и конечные результаты в виде уровня пе-

пераспределения [например, Castles and Mitchell, 1990], однако почти во всех работах рассматриваются только денежные пособия. Из исследований о направлениях денежных потоков можно сделать определенные, более или менее достоверные выводы относительно услуг. Сравнительный анализ денежных выплат и услуг, касающихся детей, проведенный Брэдшоу [Bradshaw et al., 1993] в 15 странах ОЭСР, привел к появлению совершенно иной классификации государств благосостояния. Наше определение социальной поддержки включает в себя и денежные выплаты, и услуги, а также формальную и неформальную, государственную и частную деятельность по оказанию ухода. Наша цель — показать, как изменяется подход к рассмотрению, во-первых, различных типов государств благосостояния, и (в последующем разделе) их реструктуризации, когда в центре всего анализа находится подобная концепция социальной поддержки.

Уход одновременно является и той проблемой, серьезность которой для государств благосостояния постепенно возрастает, и все более частым объектом социальной политики. Для того чтобы понять, почему уход становится все более проблематичным для государств и обществ, необходимо обратить внимание на те изменения, которые произошли в самом контексте ухода, а именно: прибавились демографические, экономические и социальные факторы. Они-то и стали факторами давления, повышающими спрос на получение ухода, тогда как социальные факторы: в частности, меняющиеся нормы в отношении обязанностей семьи и родственников и роли женщин, — сыграли большую роль в трансформации условий, в рамках которых традиционно предоставлялся уход. Совокупность этих факторов фактически привела к снижению предложения по оказанию ухода, в то время как спрос на него вырос.

В результате практически все европейские общества, за исключением Ирландии, переживают кризис социальной поддержки [Hochschild, 1995]. Причины этого явления различны, так как разные типы государств благосостояния включали вопросы ухода в свою структуру по-разному. Хотя нет единственно верного или простого способа разделить государства благосостояния на соответствующие категории, можно выявить определенные тенденции в отношении социальной поддержки, применив продемонстрированную выше схему. Скандинавские государства в этой связи формируют отдельную, четко выраженную группу, где уход за престарелыми и детьми, скорее, — задача государства. Более половины всех детей дошкольного возраста в Скандинавских странах посещают государственные учреждения дневного пребывания, а каждый третий человек преклонного возраста является получателем ухода по месту жительства или помощи на дому [Hanssen, 1997: 110]. Модель обеспечения социальными услугами в этой части Европы в течение долгого времени включала в себя разнообразные услуги, организованные на местном уровне, доступные на общих основаниях и финансируемые за счет налогообложения. В этой связи затруднения, связанные с предоставлением там социальной поддержки возникли в основном из-за дефицита бюджетных средств и в меньшей степени из-за разочарования в преимущественно государственной модели предоставления услуг. Именно Скандинавские страны действительно представляют собой некую группу со схожими характеристиками в организации социальной поддержки. На первый взгляд, страны Центральной и Южной Европы также можно объединить в одну категорию,

с точки зрения предпочтения ими «частной» модели социальной поддержки. Однако это довольно большая и неоднородная группа, включающая в себя как бисмарковскую, так и средиземноморскую модели государств благосостояния, и различия между странами, входящими в эту группу, значительны. Основным отличительным фактором является разгосударствление услуг. В Средиземноморских странах уход осуществляется семьей. За исключением Италии, государственные службы социальной поддержки взрослых и детей в этих странах чрезвычайно малочисленны, а рынок услуг, относящихся к сфере социальной поддержки, не развит. В Германии же разгосударствление социальной поддержки означает нечто большее. В случаях, когда семья не осуществляет социальную поддержку, эта функция чаще всего закономерно переходит к добровольческому сектору услуг. Это значит, что в Германии сформирован относительно широкий добровольческий, псевдорегламентированный сектор, который с помощью государственного финансирования предоставляет услуги, относящиеся к сфере социальной поддержки и ухода как за престарелыми, так и за детьми. Во Франции же проводится четкое разделение между социальной поддержкой детей и уходом за престарелыми. Лишь уход за детьми там осуществляется за счет государства, а добровольческий сектор играет в этом минимальную роль. Во всех этих странах основным затруднением стало снижение предложения и ресурсов ухода в рамках семьи. Женщины больше не оказывают уход в прежнем объеме по причине либо нежелания, либо необходимости быть активно вовлеченными на рынке труда (первым на эту тенденцию обратил внимание Морони [Moroney, 1976]). Другую разновидность подхода к социальной поддержке можно обнаружить в государствах благосостояния бевериджской модели (в Европе — Великобритания и Ирландия). Как и во Франции, в этих странах существует четкое разделение между уходом за детьми и за (престарелыми) взрослыми. Но, в отличие от Франции, уход за детьми там осуществляется во «внегосударственной зоне», тогда как уход за престарелыми — это удел государства. В настоящее время эти государства благосостояния испытывают давление с обеих сторон: ресурсы семьи в плане ухода уменьшаются, также снижается количество ресурсов (как финансов, так и приверженности) на оказание государственных услуг.

Таким образом, социальная поддержка является ключевым элементом, лежащим в основе анализа государств благосостояния. Более того, она позволяет выявить и то, каким образом европейские государства благосостояния отличаются друг от друга. Она охватывает такие вопросы, как согласованность в отношении принципов ухода за детьми и престарелыми, степень, в которой предоставление услуг по уходу приватизировано или коллективизировано, и вклад в него разных секторов. Главным открытием этой статьи является то, что степень значимости социальной поддержки исторически менялась в зависимости от роли, которую она играла в государственной политике. Этот факт не является широко признанным. Мы хотели бы обратить внимание на то, что социологический контекст социальной поддержки и степень, в которой ее следует считать «проблемой», различались в разное время и в разных регионах. Например, зависимость исторически не рассматривалась так одномерно, как ее позже стали определять в рамках либерального феминизма [Offen, 1992], и автоматическая коннотация понятия «зависимость» с социальной поддержкой — также современное явление.

Например, в «социальном католицизме»¹ — мировоззрении, на котором в той или иной степени базируются все континентальные и южноевропейские государства благосостояния, осуществление и получение социальной поддержки является частью нормального взаимного обмена между людьми, находящимися в таких отношениях в силу их традиционной включенности в определенный ряд социальных связей [Daly, 1999]. Семейная солидарность рассматривалась там в виде готовности оказывать социальную поддержку (а также предоставлять финансы) друг другу, и в соответствии с этим подходом социальные программы создавались таким образом, чтобы позволить семье выполнять функции ухода. Это считалось нормальным и уместным. Более того, роль самого государства состояла в том, чтобы дать семье возможность первоочередного права для осуществления социальной поддержки. Так, не уходя в сторону от мысли о необходимости социальной поддержки, можно определить классические социальные программы в сердце Европы как поощряющие предложение и даже спрос на осуществление ухода силами семьи. И хотя исторически это принимало разные формы, поощрение и уместность осуществления ухода силами семьи прослеживаются в социальной политике государств благосостояния бевериджского типа в форме постепенной (кто-то даже может сказать, неохотной) институционализации мер (например, льгот для взрослых и детей, находящихся на иждивении), которые могут наносить ущерб позиции мужчин, издавна считающих себя основными кормильцами семьи.

Социальная поддержка также имела различную значимость как область применения программ государств благосостояния. Для того чтобы оценить этот момент, важно провести различие между ожиданиями, принципами и конечными результатами политики государства благосостояния. С исторической точки зрения, сложно поспорить с тем, что в первых программах государств благосостояния, особенно в рамках социального страхования, превалировал элемент оплачиваемой занятости. Признавая, что такие меры были гендерно-ориентированными по сути, то, насколько они вбирают (ли) в себя гендерные и семейные проблемы, непосредственно зависело от степени, в которой они считались влияющими на наличие предложения (мужского) оплачиваемого труда. Сегодня такого не наблюдается. Гендерные вопросы занимают собственное полноправное место в рамках политики государства благосостояния. Важную роль в формировании такой повестки дня в государствах благосостояния сыграли два фактора. Во-первых, социально-политическая озабоченность вопросами гендерного равенства вынудила государства благосостояния защищаться и превратила гендерное равенство в предмет открытого обсуждения во всех развитых странах. Во-вторых, как только женщины стали все больше подпадать под категорию оплачиваемых работников, государства благосостояния начали уделять большее внимание тому, каким образом их политика соотносится с женским трудом, как оплачиваемым, так и неоплачиваемым. Озабоченность вопросом уровня предложения на рынке женского труда находится во главе угла концепции социальной поддержки как в государствах благосостояния, так и в обществе в целом. Как

¹ Социальный католицизм или католический социализм — общее название течений в католицизме, озабоченных участием рабочего класса и выдвигающих, опираясь на религиозные соображения, предложения более или менее значительных социальных реформ. — *Примеч. переводчика.*

показано выше, практически все государства благосостояния испытывают кризис социальной поддержки в результате старения населения и сокращения уровня доступности частного неоплачиваемого ухода. Реагируя на этот кризис, государства благосостояния все чаще подвергают корректировке набор услуг, который может предоставляться в качестве государственных, список нуждающихся в социальной поддержке в виде финансовой помощи и уровень социальной поддержки, оказываемой в рамках частного семейного или частного рыночного секторов.

ДОРОГОЙ ПЕРЕМЕН

Выбор социальной поддержки в качестве отправной точки обуславливает и выбор типа анализа изменений, активно происходящих в современных государствах благосостояния. Традиционно общества склонялись к предоставлению либо денег, либо услуг по уходу, но нынешняя ответная реакция со стороны государств благосостояния на спрос или потребность в уходе становится все более сложной и разнообразной. Основные изменения, происходящие в государствах благосостояния, во многом подчеркивают всевозрастающую значимость ухода как сферы социальной политики и преимущества анализа государства благосостояния, основанного на концепции социальной поддержки.

Одна из вероятных трансформаций — это изменение в степени вклада различных секторов в предоставление услуг по уходу и их роли в данном процессе. В этой связи в государствах благосостояния Западной Европы одновременно происходит целый ряд изменений. Можно проанализировать их с точки зрения сути и содержания модели смешанного благосостояния. Безусловно, сегодня все большая роль отводится рынку или подразумевается, что он будет иметь большое значение. Первым значительным следствием роста рыночного участия в обеспечении социальной поддержки является, по всей видимости, изменение самого понятия ухода и условий, при которых он осуществляется. Данная тенденция «маркетизации» ухода является комплексной и многосторонней и предполагает перемены как в балансе смешанной экономики обеспечения услугами, так и в растущей уверенности в возможности применения рыночных принципов в государственном секторе. Происходящие сегодня перемены имеют большое значение и не являются просто сокращением уровня предоставления услуг. Концепция разгосударствления тоже не отражает полноты происходящего, хотя во многих странах баланс обеспечения перешел от государства к «независимому» (частному и добровольческому) сектору.

Гленнерстер и ЛеГран [Glennester и LeGrand, 1995] настаивают на том, что изменение в сторону некоторой формы «маркетизации» услуг в стольких странах ЕС нельзя объяснять лишь идеологией, и, в частности, правой идеологией. Тогда как все формы «маркетизации» наиболее явно проявились в Соединенном Королевстве, во многих других североевропейских странах наблюдались похожие тенденции в разделении сферы социальной поддержки на понятия покупатель/поставщик и внутренний рынок. Это возникло даже в Норвегии, обычно выделяющейся на фоне других европейских государств отсутствием экономического давления на государство благосостояния. Тем

не менее необходимо сопротивляться искушению рассматривать эти тренды в контексте конвергенции. Значение реформ, очень похожих друг на друга на бумаге, может быть очень разным в зависимости от контекста, в который они были встроены, и в связи с тем, что за ними очень часто стоит совершенно разная мотивация. В свою очередь, это является важной предпосылкой для понимания того, кто именно предоставляет услуги по уходу и на каких условиях. Например, рост частных поставщиков услуг в Финляндии был отмечен появлением на рынке малого бизнеса женщин-предпринимателей, зачастую переходящих в него из государственного сектора [Simonen и Kovalainen, 1998], тогда как в Великобритании крупные фирмы играют все более важную роль в предоставлении услуг, что выражается в снижении уровня зарплат и ухудшении условий работы преимущественно женской рабочей силы, задействованной в сфере ухода [Lewis and Glennerster, 1996]. Эверс (1993), рассматривающий этот вопрос с немецкой, корпоративистской и, скорее, единодушной точки зрения, придерживается более положительного взгляда на усиление многообразия в предоставлении ухода, заявляя, что множественность его форм является неизбежной в плюралистическом обществе.

«Маркетизация» также влечет за собой определенные последствия для получателей социальной поддержки. Приложение рыночных принципов к сфере социальной поддержки в государственном секторе приводит к классификации нуждающихся целевых групп. В свою очередь, это означает, что некоторые из них — например, престарелые люди с более низкой степенью зависимости и риска или дети неработающих родителей — больше не подходят под категории нуждающихся в помощи. Этот пробел в данном случае должны заполнить представители неформального сектора, осуществляющие уход. Движение в сторону более смешанной экономики социальной поддержки с большим многообразием в предоставлении ухода в основном оправдывается тем, что нуждающиеся в социальной поддержке получают широкие возможности личного выбора. Однако это также может привести к росту уровня «вынужденного альтруизма» [Land and Rose, 1985] со стороны семьи. Так, с учетом концепции социальной поддержки, этические вопросы, лежащие в основе текущей реструктуризации государства благосостояния, оказываются в центре анализа. В частности, возникает вопрос о том, каковы могут быть «пределы рынка». Договор (контракт) в основном предполагает наличие «необремененного индивидуума» [Sandel, 1996], находящегося за пределами каких-либо отношений. В этом случае заключение договора в отношении ухода будет проблематичным. Некоторые философы государства благосостояния [Wolfe, 1989; Anderson, 1993] стремятся доказать, что структура рынка и семьи содержит нормы, предполагающие различный подход к определению ценности человека и вещи, и, следовательно, должны существовать отдельно. Но это отбрасывает нас к дихотомическому рассмотрению государственной и частной сфер, что является несостоятельным, если правильно понимать то, каким образом реструктуризация государства благосостояния переоценивает эти границы. Проблема принуждения принимает угрожающие размеры в плане требований «маркетизации» к усилению неформального, семейного ухода. К тому же сфера социальной поддержки подвержена деградации в нашем обществе, если она не имеет денежной ценности, а также деградации в случае, когда эта денежная ценность чрезвычайно мала.

Вторым способом анализа происходящих изменений является изучение форм поддержки услуг по уходу со стороны государств благосостояния и того, насколько они разнообразны. Он может быть применен как на национальном (если в странах существует больше одной формы социальной поддержки), так и на межгосударственном уровне. Это предполагает изучение не только прежних альтернативных комбинаций услуг, денежных трансфертов или налогообложения, но большей дифференциации, осуществляемой при помощи объединения денежных выплат и услуг для осуществления частного или государственного ухода со стороны государств благосостояния. Среди денежных трансфертов Унгерсон (1997) выделяет пять видов платежей, различие между которыми в основном заключается в том, кто их получает (лицо, оказывающее или получающее уход), в пределах или размерах льгот и цели, с которой введены эти льготы. Дэли [Daly, 1997] обращает внимание на различия, характеризующие развитие сферы ухода за детьми по сравнению с уходом за престарелыми. Тенденции в сфере ухода за детьми во многих странах схожи в силу того, что во многих частях Евросоюза происходит сдвиг в сторону субсидирования государством частного (родительского) ухода за маленькими детьми. Возможно даже, что классическая архитектура семейной политики также переживает изменения, и любые новые льготы, вводимые для семей с детьми, принимают форму выплат, направленных на (частный) уход вместо, например, формы более общих субсидий для семей, таких как пособие на ребенка. Это значительное изменение в социальной политике, так как традиционно детские пособия никогда не вводились для оплаты за уход. Их главной целью была, скорее, помощь семьям с затратами, связанными с воспитанием детей, и/или воздействие хотя бы на минимальное (горизонтальное) перераспределение ресурсов в сторону данной категории населения. Следовательно, можно сказать, что существует тенденция перехода семейной политики в разряд политики социальной поддержки. Учитывая то, какими темпами нарастает эта тенденция, могут возникнуть сомнения в целесообразности традиционного подхода к понятию семейной политики как категории анализа в отношении государства благосостояния.

Изменения, происходящие в сфере ухода за престарелыми, столь же значимы с точки зрения нашего понимания современных государств благосостояния. Развитие ситуации в этой области выглядит более сложным, чем то, что происходит в сфере ухода за детьми. Для того чтобы составить об этом верное представление, в особенности о том, как под влиянием развития [ухода за пожилыми] изменяется и трансформируется государство благосостояния, необходимо проанализировать его в рамках контекста, в котором оно происходит. Ведь именно в рамках определенного контекста можно понять, ведут ли эти изменения к расширению государства благосостояния или к его распаду. В Финляндии и других Скандинавских странах оплата за персональные услуги по уходу, предоставляемые в рамках (до сих пор) широко распространенной сети государственных служб социальной поддержки, балансирует между тем, чтобы быть дополнением формальной социальной поддержки, и тем, чтобы стать фактором, влияющим на трансформацию государственной помощи и социальной поддержки в выплаты. В Ирландии, Британии, Германии и Австрии по сравнению с другими государствами платежи выступают скорее заменой формальной социальной поддержки, в силу недостатка необходимых государственных услуг, либо вообще отхода

государства из сферы предоставления таких услуг. Во Франции выплаты на социальную поддержку стали частью политики трудоустройства. Учитывая высокий уровень безработицы, французское правительство поддержало трудоустройство лиц, оказывающих уход внутри семьи, вместо того чтобы развивать государственные службы социальной поддержки детей и, до определенной степени, лиц пожилого возраста. Это, по сути, вновь вводит понятие домашнего ухода, хотя и с доступом к социальным выплатам. Таким образом, в случае если мы даже не наблюдаем новой формы государств благосостояния, практически во всех странах, за исключением Норвегии, платежи за уход или вводятся, или расширяются в контексте снижения охвата государственными услугами и растущего количества проблем, с которыми сталкиваются формальные системы благосостояния по удовлетворению потребности в уходе. Но это влечет за собой множество сложностей. За последнее десятилетие государства благосостояния так и не определились, какой же стороне необходимо оказывать помощь: человеку, нуждающемуся в социальной поддержке, или тому, кто ее предоставляет. Из шести стран, учредивших новые процедуры, три (Австрия, Германия и Люксембург) предпочли выплаты лицам, нуждающимся в уходе, тогда как Дания, Финляндия и Ирландия решили предоставлять денежные выплаты лицам, осуществляющим уход. Этот выбор может привести к более серьезным последствиям, ибо в первом случае, осуществляя выплаты лицу, нуждающемуся в уходе, государства благосостояния по сути дистанцируются от определения того, каким образом на самом деле удовлетворяется потребность в уходе, тогда как предоставление выплаты лицу, осуществляющему уход, — это движение в противоположном направлении — вовлечение большего количества людей в сферу прямого воздействия государства благосостояния. В зависимости от степени, в которой государства благосостояния следуют первой модели, можно наблюдать появление нового типа социального гражданства. В связи с этим возникает необходимость комплексного анализа денежных выплат и услуг.

Когда в центре анализа находится социальная поддержка, становится ясно, что изменения, происходящие в современных государствах благосостояния, обладают потенциалом значительного влияния на изменения самой природы социальных прав (социального гражданства). Социальная поддержка во многих государствах является скорее остаточным явлением в сфере услуг (по сравнению с образованием и здравоохранением) и редко сопоставима с социальными правами, привязанными к гражданству. Там, где проходит процесс «маркетизации», услуги в большей степени направлены на наиболее нуждающихся, что на практике означает большую роль профессионального подхода в определении получателей услуг. Лица с более низким уровнем, с риском недееспособности или те, кто может получать уход в рамках семьи, обладают меньшими шансами попасть в категорию нуждающихся в социальной поддержке. Что же касается денежных выплат, то если раньше выплаты на уход в той степени, в какой они существовали, относились к выплатам наименьшего размера, то сегодня дело обстоит иным образом. По большей части нововведения в области социальной поддержки относятся к среднему уровню, чаще — к новому среднему уровню и находятся в ряду между самым высоким уровнем выплат (как правило, по социальному страхованию) и самыми небольшими адресными пособиями, предоставляемыми на определенных условиях. Степень исключительности и инновации

изменений, происходящих вокруг обеспечения услуг по уходу в государствах благосостояния, высока в силу того, что они нарушают все существующие принципы практически везде, где они происходят. Например, введение нового уровня социального страхования для обеспечения ухода в Германии включает в себя выплаты одинакового размера при очень четко определенных условиях, связанных с уровнем потребностей, по сравнению с общепринятой нормой немецкого социального страхования, предполагающей, что размер выплат зависит от уровня доходов и обусловлен степенью участия на рынке труда. Но это нововведение имеет также положительные аспекты, в частности, это хороший пример того, как социальное страхование можно использовать для покрытия рисков, не связанных строго с занятостью. В целом представляется, что, поскольку варианты сокращения расходов на социальные выплаты осуществить довольно сложно, и это очень тонкий политический вопрос, государства благосостояния направляют свои самые инновационные усилия в сферу ухода, которая представляется областью, где больше возможностей для различных манипуляций.

В спорах по поводу кризиса государства благосостояния и его легитимности вопросы ухода находятся в центре внимания. С середины 1980-х гг. наблюдалось массовое движение, направленное на акцентирование обязательств (а не прав), что нашло отражение в политике в виде конкретных мер, направленных на обеспечение выполнения родительских обязанностей, и косвенного поощрения ответственности за уход за престарелыми родственниками. Обязательство осуществлять оплачиваемую трудовую деятельность, которое, конечно, по существу являлось скорее обязательством находить способы обеспечения экономической независимости отдельного человека перед самим собой, чем обязательством перед кем-то, являлось одновременно и отличительной чертой реформы в сфере социальной защиты, как в случае французской программы минимального дохода (*Revenu Minimum d'Insertion*) или, что более явно, в случае с британской программой «от социальной помощи к работе». Повторное осознание важности доверия, заинтересованности и обязательств не всегда способствовало продвижению феминистских (характеризуемых отношениями) понятий об этике ухода. Особенно примечательно то, что желание продвигать семейные обязательства и повышать уровень занятости ударило по матерям-одиночкам. Интересно, что в Нидерландах и Великобритании, где существовало самое бескомпромиссное — в терминах социальной политики — признание обязанностей женщин осуществлять уход, требование искать оплачиваемую работу в отсутствие мужчины-кормильца взяло верх в конце 1990-х гг. Эти изменения проходили тяжело и породили странные альянсы. Основная цель представления их в данной работе — подчеркнуть значимость и, во многих случаях, схожесть дискурсов в разных странах. Заслуживает внимания тот факт, что наступление на эгоистический индивидуализм ограничилось гендерной и частной сферами, а также то, как на это повлияла реструктуризация услуг государства благосостояния в 1990-х гг. и риски, связанные с таким гендерным разделением на государственное и частное.

В конце раздела, посвященного изменениям государств благосостояния, мы хотели бы обратить внимание на то, что развитие ситуации в сфере ухода главным образом демонстрирует то, что изменение и трансформация государства благосостояния включают в себя нечто большее, чем сокращение

социальных выплат. Более того, меры в области социальной поддержки, особенно денежные трансферты, представляют собой примечательный, и иногда единственный, случай расширения программ современных государств благосостояния. К тому же государства благосостояния прибегают к более инновационным методам именно в том, что касается вопросов организации ухода. Например, тот факт, что платежи за уход часто приводят к созданию нового «среднего уровня» пособий, и условия, сопутствующие осуществлению данных выплат (такие как инвестиции определенного типа и трудовой стаж), позволяют предположить, что некоторые из общепринятых категорий анализа государств благосостояния требуют пересмотра. Также изменения в сфере ухода свидетельствуют о том, что трансформация государств благосостояния является более комплексным процессом, чем принято считать, и что социальная поддержка со стороны государства может скорее находиться в процессе принятия новой формы, а не «сокращения», как об этом принято говорить. И прежде всего уход выступает центральным звеном в идеологических спорах о современных отношениях между индивидуумами, семьями, рынками и государствами (благосостояния).

ОБЗОР

Мы начали данную статью с развития потенциала концепции социальной поддержки в качестве категории анализа, относящейся к современным изменениям в политике и шире — в государствах благосостояния. Разработав истоки и раннее применение данной концепции в контексте намерений феминистской научной литературы определить социальные и экономические факторы, которые держали женщин в зависимости от мужчин, мы стремились к определению того, каким образом уход как деятельность оформлялся и в свою очередь влиял на социальные, экономические и политические процессы. Это привело нас к концепции социальной поддержки, которая рассматривает уход в качестве деятельности и набора отношений, лежащих на пересечении отношений между государством, рынком и семьей (и добровольческим сектором). В особенности мы стремились привлечь внимание к роли государства благосостояния в формировании ухода в качестве деятельности и набора социальных отношений. В этой связи концепция вносит важный вклад в трех основных направлениях. Во-первых, она имеет потенциал для анализа гендерного измерения социальной политики. В той степени, в которой она может предоставить всеохватную систему координат, она дает более исчерпывающее и социологически более комплексное понимание того, почему и как социальные программы формируют гендер. Частично возможность применения концепции в этом отношении лежит в способности вывести анализ за рамки типично фрагментированного рассмотрения семейной политики, политики в отношении престарелых и различий в льготах, получаемых женщинами или мужчинами. Но потенциал, который мы видим в концепции социальной поддержки, не исчерпывается ее применением в гендерно-ориентированном анализе. Во-вторых, концепция может также в целом улучшить качество и глубину анализа государств благосостояния. Она может привести к еще более всеобъемлющему анализу, помогая преодолеть существующую в научной литературе фрагментацию таких измерений

государства благосостояния, как денежные выплаты и услуги, и относительное пренебрежение последним. Мы предполагаем, что сосредоточение внимания на уходе сместит фокус анализа в сторону от специфических областей политики, чтобы вместо изучения денежных льгот или услуг по отдельности можно было рассматривать их взаимоотношения. В этом смысле концепция обладает потенциалом инновационных открытий в сфере исследования государств благосостояния. В-третьих, потенциал концепции заключается в ее возможности определять траектории изменений в современных государствах благосостояния. Принято считать, что импульс к изменениям поступает со стороны рынка. Однако это не полностью отражает реальную картину, так как государство не является пассивным монолитом, приспособливающимся и изменяющимся в соответствии с требованиями окружающей среды. При рассмотрении ситуации с позиции социальной поддержки, государству отводится центральная роль, однако оно находится в лучах прожектора (лишь) как один из агентов перемен. Принимая во внимание то, что оказание ухода становится все более проблематичным, ибо спрос на него растет, а предложение снижается, государства благосостояния играют решающую роль в решении дилемм, в то время как сфера ухода создает новые дилеммы для государств благосостояния.

Примечание: Перевод статьи *Mary Daly and Jane Lewis. The concept of social care and the analysis of contemporary welfare states. British Journal of Sociology Vol. No. 51 Issue No. 2 (June 2000) pp. 281–298.* Научный редактор перевода — Синявская О.В.

ЛИТЕРАТУРА

- Alber, J.* 1995 'A Framework for the Comparative Study of Social Service's', *Journal of European Social Policy* 5 (2): 131–49.
- Anderson, E.* 1993 *Value in Ethics and Economics*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Anttonen, A. and Sipilä, J.* 1996 'European Social Care Services: Is it Possible to Identify Models?', *Journal of European Social Policy* 5 (2): 87–100.
- Bradshaw, J. et al.* 1993 *Support for Children: A comparison of arrangements in fifteen countries*, London: HMSO, Department of Social Security Research Report No 21.
- Bubeck, D.* 1995 *Care, Gender and Justice*, Oxford: Clarendon Press.
- Castles, F. G. and Mitchell, D.* 1990 *Three Worlds of Welfare Capitalism or Four?*, Canberra: Australian National University Public Policy Programme Discussion Paper no 21.
- Daly, M.* 1997 'Welfare States under Pressure: Cash Benefits in European Welfare States over the Last Ten Years', *Journal of European Social Policy* 7 (2): 129–46.— 1999 'The Functioning Family: Catholicism and Social Policy in Germany and the Republic of Ireland', *Comparative Social Research* 18: 105–33.
- Esping-Andersen, G.* 1990 *The Three Worlds of Welfare Capitalism*, Cambridge: Polity Press.
- Evers, A.* 1993 'The Welfare Mix Approach. Understanding the Pluralism of Welfare Systems', in A. Evers and I. Svetlik (eds) *Balancing Pluralism. New Welfare Mixes in Care for the Elderly*, Aldershot: Avebury.
- Evers, A. and Svetlik, I. (eds)* 1993 *Balancing Pluralism. New Welfare Mixes in Care for the Elderly*, Aldershot: Avebury.
- Finch, J. and Groves, D.* 1983 *Labour and Love: Women, Work and Caring*, London: Routledge and Kegan Paul.
- Gardiner, J.* 1997 *Gender, Care and Economics*, London: Macmillan.
- Gilligan, C.* 1982 *In a Different Voice*, Cambridge: Harvard University Press.
- Glennerster, H. and Le Grand, J.* 1995 'The Development of Quasi-markets in Welfare Provision in the United Kingdom', *International Journal of Health Services* 25 (2): 203–18.
- Graham, H.* 1991 'The Concept of Caring in Feminist Research: The Case of Domestic Service', *Sociology* 25 (1): 61–78.
- Hanssen, J.-I.* 1997 'The Scandinavian Model as Seen from a Local Perspective', in J. Sipilä (ed.) *Social Care Services: The Key to the Scandinavian Welfare Model*, Aldershot: Avebury.
- Hochschild, A. R.* 1995 'The Culture of Politics: Traditional, Post-modern, Coldmodern, and Warm-modern Ideals of Care', *Social Politics* 2 (3): 331–45.
- Knijn, T. and Kremer, M.* 1997 'Gender and the Caring Dimension of Welfare States: Toward Inclusive Citizenship', *Social Politics* 4 (3): 328–61.
- Kolberg, J. E.* 1991 'The Gender Dimension of the Welfare State', *International Journal of Sociology* 21 (2): 119–48.
- Kraan, R. J., et al.* 1991 *Care for the Elderly. Significant Innovations in Three European Countries*, Frankfurt: Campus Verlag.
- Land, H. and Rose, H.* 1985 'Compulsory Altruism for Some or an Altruistic Society for All', in P. Bean, J. Ferris and D. Whynes (eds) *In Defence of Welfare*, London: Tavistock.
- Lasch, S.* 1976 *Haven in a Heartless World*, New York: Basic Books.
- Leira, A.* 1992 *Welfare States and Working Mothers*, Cambridge: Cambridge University Press.— 1993 'Concepts of Care: Loving, Thinking and Doing', in J. Twigg (ed.) *Informal Care in Europe*, York: University of York, SPRU.
- Lewis, J.* 1984 *Women in England, 1870–1950*, Brighton: Harvester Wheatsheaf.— 1991 *Women and Social Action in Victorian and Edwardian England*, Aldershot: Edward Elgar.

- Lewis, J. and Glennerster, H.* 1996 *Implementing the New Community Care*, Buckingham: Open University Press.
- Lewis, J. and Meredith, B.* 1988 *Daughters Caring for Mothers*, London: Routledge.
- Moroney, R.* 1976 *The Family and the State. Considerations for Social Policy*, London: Longman.
- Offen, K.* 1992 'Defining Feminism: A Comparative Historical Approach', in G. Bock and S. James (eds) *Beyond Equality and Difference Citizenship, Feminist Politics and Female Subjectivity*, London: Routledge. 298 Mary Daly and Jane Lewis
- Sandel, M.* 1996 *Democracy's Discontents*, Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press.
- Siiim, B.* 1987 'The Scandinavian Welfare States — Towards Sexual Equality or a New Kind of Male Domination?', *Acta Sociologica* 30 (3/4): 255–70.
- Simonen, L. and Kovalainen, A.* 1998 'Paradoxes of Social Care Restructuring: The Finnish Case, in J. Lewis (ed.) *Gender, Social Care and Welfare State Restructuring in Europe*, Aldershot: Ashgate.
- Sipilä, J. (ed.)* 1997 *Social Care Services: The Key to the Scandinavian Welfare Model*, Aldershot: Avebury.
- Thomas, C.* 1993 'De-constructing Concepts of Care', *Sociology* 27 (4): 649–69.
- Tronto, J. C.* 1993 *Moral Boundaries. A Political Argument for an Ethic of Care*, London: Routledge.
- Ungerson, C. (ed.)* 1990 *Gender and Caring: Work and Welfare in Britain and Scandinavia*, Hemel Hempstead: Harvester Wheat sheaf.— 1994 'Morals and Politics in 'Payments for Care': An Introductory Note', in A. Evers, M. Pijl, and C. Ungerson (eds) *Payments for Care. A Comparative Overview*, Aldershot: Avebury.— 1997, 'Social Politics and the Commodification of Care', *Social Politics* 4 (3): 362–82.
- Wareness, K.* 1984 'Caring as Women's Work in the Welfare State', in H. Holter (ed.) *Patriarchy in a Welfare Society*, Oslo: Universitetsforlaget.
- Wolfe, A.* 1989 *Whose Keeper? Social Science and Moral Obligation*, Berkeley: University of California Press.